

Ноябрь 1766 года в Санкт-Петербурге выдался позимнему холодным и снежным, но, несмотря на пургу, 16 ноября к пяти часам вечера к Зимнему дворцу стали съезжаться кареты высокопоставленных придворных и вельмож. Екатерина II пригласила наиболее приближенных к себе людей — так называемый “Малый Эрмитаж” — на представление трагедии Сумарокова “Синав и Трувор”, где в роли Синава должен был выступать только что вернувшийся из Парижа первый актер Придворного театра Иван Афанасьевич Дмитревский.

Все были заинтересованы слухами о его пребывании во Франции и Англии, где он познакомился с образцами театрального искусства и усовершенствовал свой сценический дар. Дмитревский пробыл там более года, изучал игру великого французского трагика Лекена и гениального английского актера Гаррика и сумел произвести на них, избалованных славой и вниманием, приятное впечатление верностью своих суждений и наблюдательностью. Рассказывали также, что однажды Дмитревский вздумал соперничать с самим Гарриком в искусстве притворяться.

И во время одной из встреч, когда Гаррик занимал гостей своими мимическими фокусами — он мог в одно и то же время одной стороной лица плакать, а другой смеяться, — Дмитревский, до того времени внимательно следивший за ним, внезапно побледнел, забормотал какие-то невнятные слова и вдруг как сноп повалился в кресло. Все страшно испугались, бросились к нему, думали уже посылать за доктором, как он к общему удивлению поднялся как ни в чем ни бывало и своим смехом вывел всех из заблуждения: оказалось, что этим мнимым обмороком он просто хотел показать, что и на берегах Невы есть такие же актеры, как на берегах Темзы и Сены.

И вот теперь Дмитревский должен был держать экзамен перед самой императрицей. Но Иван Афанасьевич не чувствовал робости. После чопорного Лондона и изысканного Парижа Эрмитажный раздвижной театр казался ему домашней любительской сценой, на основе которой со временем вырастет профессиональный русский театр. И он вышел на сцену в роли норманского князя Синава не как дебютант, а как опытный мастер и сразу покорила всех совершенством своей игры. Перед изумленным зрителем был уже не ученик Сумарокова, не тот дьячок, который еще совсем недавно слушал настав-

ления попечителя московского университета Мелиссино, но актер, изучивший творчество не только Лекена и Гаррика, но и игру увлекательного Близара, чувствительного Офрена, благородного Флоридора, милой Госсен, бурной Дюмениль, непогрешимо-правильной Клерон. Ведя зрителей от одного настроения к другому, оттеняя все перипетии душевного состояния Синава, Дмитревский производил впечатление необыкновенно сильное и сумел тронуть не только взыскательную публику, но и саму императрицу.

Одетая в простое, свободного покроя “молдавское платье” с двойными рукавами, из которых нижние — собранные до кисти, а верхние — очень длинные и приподня-

тые на спине, Екатерина внимательно следила из своей ложи за развитием действия и только иногда повертывала свою изящно убранную куафером Козловым головку с открытым красивым лбом к сидящему рядом Григорию Орлову или к находящемуся сзади обер-гофмейстеру Елагину, которого она прочла в директора театров и музыки.

В это время Дмитревский, читая заключительный монолог Синава, стал потихоньку передвигаться в глубь сцены, как бы пятась от преследования призрака убитого им брата. Зрительный зал вздрогнул и замер. И когда Дмитревский в конце этого монолога стал приподниматься на цыпочки, восторженный шумок пронесся по рядам. Такого русская сцена еще не видела. Некоторые придворные дамы были на грани обморока, замелькали флаконы с духами, пришло в движение множество рук с веерами. Возгласы удивления и восхищения игрой первого русского актера вскоре слились в общий одобрителный гул и бурные аплодисменты.

— Да, Перфильевич! — Екатерина II коснулась веером руки Елагина. — Какая разность в прежнем и настоящем его вкусе, как много он сумел достичь. Сие простое движение, — она как бы потянулась на цыпочках — а как оно повергло всех в трепет! Не считите за труд, граф, позовите Ивана Афанасьевича ко мне в ложу, когда он освободится.

Когда Елагин вышел, она поманила к себе рукой направляющегося к выходу Сумарокова.

— Полноте, Александр Петрович, не скромничайте! Такой фурор вы вряд ли когда еще испытаете. Ведь как хорош Иван Афанасьевич! По-моему, он стоит эклоги или даже эпистолы...

Иван Афанасьевич
Дмитревский

